

ное образование и педагогическая мысль России кануна и начала империализма: Сб. ст. М., 1980. С. 239-275.

⁸ *Пругавин А. С.* Законы и справочные сведения по начальному народному образованию. СПб., 1904; *Фальборк Г., Чарнолуцкий В.* Внешкольное образование. СПб., 1905; Ежегодник внешкольного образования. Настольная книга по внешкольному образованию / Сост. В. И. Чарнолуцкий. 2-е изд. СПб., 1913. Т. 1.

⁹ Ежегодник внешкольного образования. С. 81-91; *Чарнолуцкий В. И.* Основные вопросы организации... С. 35; *Он же.* Вопросы народного образования на I общеземском съезде. СПб., 1912. С. 121-130.

¹⁰ *Пархоменко Т. А.* Культурно-просветительная деятельность в России (конец XIX в. – 1917 г.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. С. 31; *Чарнолуцкий В. И.* Земство и народное образование. СПб., 1910. Ч. 1. С. 185-186.

¹¹ Журналы Тверского Губернского земского собрания. 1909 г. Тверь, 1910. С. 1402-1405.

¹² Журналы Тверского Губернского земского собрания. Тверь, 1898-1916.

¹³ Материалы для истории Тверского губернского земства: В 10 т. Тверь, 1909.

¹⁴ Стенографические отчеты Тверского губернского земского собрания. Тверь, 1898-1916.

¹⁵ Отчет Кашинского благотворительного общества добротной копейки за 1913 г. Кашин, 1914; Отчет о деятельности благотворительного общества "Добротной копейки" в г. Калужине Тверской губернии за 1909 г. Калюзин, 1910; Отчет о деятельности Тверского попечительства о народной трезвости за 1911 г. Тверь, 1914; Отчет Тверского православного братства св. Благоверного великого кн. Михаила Ярославича за 1-й год его существования. Тверь, б.г.; Отчет Тверского православного братства... за VIII год... Тверь, 1894; Отчет Тверского православного братства... за X год... Тверь, 1896; Отчет прихода и расхода сумм за 1909 г. и смета на 1910 г. Благотворительного общества при Тверском Римско-Католическом Костеле. Тверь, б.г.; Отчет Страшевского Казанского Братства и Никольского общества трезвости при Богородицерожественской церкви села Страшевичи Старицкого уезда за 1904-1905 гг. Б.м., б.г.

¹⁶ Устав благотворительного общества при Тверском Римско-Католическом костеле. Тверь, 1905; Устав Кимрского благотворительного общества. Корчева, 1894; Устав Осташковского благотворительного общества Тверской губернии. 1895 г. Осташков, 1986; Устав Тверского общества любителей археологии, истории и естествознания. Тверь, 1898.

¹⁷ Устав Дорожаевского общества трезвости. Тверь, 1911.

¹⁸ Труды 2-го кооперативного совещания 24-26 августа 1915 г. при Тверской губернской земской управе. Тверь, 1915.

¹⁹ Первый общеземский съезд по народному образованию 1911 г.: Доклады. М., 1911. Т. 1; Труды Первого общеземского съезда по народному образованию 1911 г. М., 1912.

²⁰ Первый общеземский съезд по народному образованию 1911 г.: Журналы заседаний секций. М., 1912.

²¹ Сборник статистических сведений о Тверской губернии. Т. 3: Вышневолоцкий уезд. Тверь, 1889 (и др.)

²² Статистический ежегодник Тверской губернии за 1897 г. Тверь, 1898.

²³ Там же. С. 212.

Л. А. Тимошина

Лаборатория славяно-греческой палеографии, г. Москва

СЕМЬЯ ТОРГОВЫХ ЛЮДЕЙ ИСАКОВЫХ И ЕЕ РОЛЬ В ИСТОРИИ КОСТРОМЫ XVII ВЕКА

Региональная элита – это не только и не столько люди, занимающие выдающееся положение в государственной иерархии, представители видных аристократических родов, родов, известных, благодаря деяниям предков, а те, деятельность которых наибольшим образом сказалась на развитии и процветании данного региона. Для периферийных городов XVII в. вообще и верхневолжских, в частности, такую элиту, в первую очередь, образовывали крупные торгово-промышленные кланы. В Костроме наиболее заметной среди таких семей была семья кожевников и торговых людей Исаковых.

Первое, известное в настоящее время, упоминание о человеке с антропонимом Исаков относятся к началу 1600-х гг.: в росписи 1601/02 г. в числе московских слобожан "из-за Арбашких ворот, которые люди отданы в гостиную сотню" отмечен Третьяк Исаков¹. Иначе говоря, некий Третьяк Исаков, имевший, по крайней мере, еще двух братьев, был взят из числа московских жителей не ранее сентября 1601 г. в эту особую корпорацию государевых служилых людей.

В следующий раз фамилия Исаковых всплывает в связи с известным делом 1613 г. о побеге торгового человека Федора Андропова, который в своей богатой событиями жизни входил в число "думных бояр" Тушинского вора, в августе 1610 г. при поляках получил должность казначея, а после освобождения Москвы был обвинен в хищении государственной казны и взят под стражу². Находясь под арестом на дворе кн. И. Ф. Волконского, Ф. Андронов послал своего человека Г. Фонарника с грамотками к сестрам Аксинии и Евфимии, торговому человеку Богдану Исакову и к дяку Марку Поздееву с просьбой передать деньги, необходимые для пострижения в монастырь³. Не касаясь всех перипетий этого запутанного дела, отметим ряд обстоятельств, непосредственно связанных с фамилией Исаковых.

Из контекста сыскного дела выясняется, что Г. Фонарник, поехав на поиски сестер Ф. Андропова и Б. Исакова в Ярославль и не найдя их там, отправился в Кострому, где смог получить интересующие его сведения о местонахождении Б. Исакова от одного из самых известных гостей второй половины XVI – начала XVII в. Юрия Болотникова, жившего в начале 1610-х гг. в этом городе⁴. Допустимо предположить, что поездка Г. Фонарника в Кострому была далеко не случайной, и он имел определенные основания продолжить свой путь именно до этого поволжского города.

В то же время сам Б. Исаков во время допроса о связях с бывшим московским казначеем рассказал о своем родстве, с одной стороны, с Федором Андроновым, а с другой – с гостями и торговцами людьми гостины сотни

Болотниковыми: Богдан был женат на племяннице гостя Юрия Болотникова, двоюродной сестре гостинной сотни Василия Болотникова, замужем за которым была сестра Ф. Андронова Евфимия, и упомянул своего родного брата, торгового человека Степана Исакова⁷.

Связать воедино сведения из списка 1601/02 г. и дела Ф. Андронова помогает писцовая книга Костромы 1627/28–1628/29 гг., в которой среди дворов, находившихся на территории костромского кремля, был записан двор Степана и Ивана Исаковых⁸.

Исходя из этой записи, поездки Г. Фонарника именно в Кострому и слов Б. Исакова о брате Степане есть все основания считать, что Степан Исаков из сысского дела и Степан Исаков, владелец двора в костромском кремле – одно и то же лицо. Б. Исаков, сочтя необходимым, как и многие другие крупные русские торговые люди, покинуть захваченную поляками Москву, решил, скорее всего, отправиться к своим братьям Степану и Ивану в относительно удаленный от столицы и более безопасный город. А зная о его женитьбе на женщине из рода Болотниковых, вряд ли будет слишком смелым предположить, что и Юрий Болотников в это тревожное для Русского государства время счел за лучшее пожить какое-то время у своих родственников в Костроме, ставшей в этот период убежищем не только для него, но и для многих других людей, в частности, для представителей рода Романовых.

Таким образом, допустимо полагать, что в 1600 – первой половине 1610-х гг. в состав семьи Исаковых входили четыре брата – Богдан, Степан, Третьяк и Василий, двое из которых, Богдан и Третьяк, жили в Москве, а двое, Степан и Иван, в Костроме. Правда, в настоящее время мы не располагаем прямыми документальными подтверждениями родства Третьяка с тремя другими Исаковыми. Однако отсутствие в этот период других крупных торговых людей с таким антропонимом, а также тесные связи Б. и С. Исаковых с представителями высшего купечества делают такое предположение вполне реальным.

Дело Ф. Андронова позволяет также определить превратившееся в фамилию имя отца четырех братьев: в списке с грамоты бывшего московского казначая к Б. Исакову этот последний назван “Богданом Исаковичем”⁷, следовательно, его отца звали Исаак и, тем самым, появляется возможность возводить историю этой семьи, по крайней мере, к 60–70-м гг. XVI в.

Основываясь на сысском деле 1613 г., историк русского купечества Н. Б. Голикова считает, что представители семьи Исаковых имели еще одну, более древнюю, фамилию – Морозовы, которую они впоследствии перестали использовать⁸. В действительности же слова Ф. Андронова о том, что он посылал Г. Фонарника с грамотками “к сестрам своим да к Богдану Исакову да к Марку Поздееву. Да словом приказывал к торговым людям к Григорью да к Богдану Морозовым”⁹ не позволяют отождествить Богдана Исакова с Богданом Морозовым, как, равным образом, считать Морозовых и Исаковых одним родом.

В писцовой книге 1620-х гг., помимо С. и И. Исаковых, фигурируют еще два человека с такой же фамилией: на костромском посаде на границе двух улиц – Нижней Бережной и Боровой (Дебри) отмечены дворы лучшего посадского человека Емельяна Григорьевса и его брата, также лучшего посадского человека, взятого к началу описания в гостиную сотню, Кирилла Григорьевса детей Исаковых.

В литературе принято считать, что в первой четверти XVII в. в гостиную сотню входили некие Богдан (даты упоминания 1600–1622 г.) и Григорий Исаковы (даты упоминания 1604–1622 г.)¹⁰. Однако известное, благодаря писцовой книге, имя отца Кирилла и Емельяна Исаковых – Григорий – при хронологически близком первом упоминании Богдана и Григория в гостиную сотню Богдана и полном совпадении последней известной даты их пребывания в составе этой корпорации дают основания полагать, что Григорий и Богдан являются одним и тем же лицом, фигурировавшим в различных документах то под своим крестильным именем, то под прозвищем.

Н. Б. Голикова, помимо этого, считает, что у Кирилла и Емельяна Григорьевичей был третий брат, не кто иной, как уже не раз упоминавшийся Третьяк Исаков¹¹. Такое предположение вряд ли справедливо. Даже если допустить, что у Григория Исакова были три сына – Кирилл, Емельян и Третьяк то, исходя из дат упоминаний самой исследованной этих лиц в составе гостинной сотни – Григорий 1604–1622 гг., Кирилл 1627–1641 гг., Емельян 1646–1648 гг., Третьяк 1601/02–1632 гг.¹² – получается, что наиболее ранняя дата относится к самому младшему сыну, попавшему в эту корпорацию, по меньшей мере, на 45 лет раньше старшего брата, а это при любом соотношении возраста братьев невозможно.

Таким образом, с 1620-х до середины 1640-х гг. в состав семьи Исаковых входили братья Григорий (Богдан), Степан, умершие, вероятно, в первой половине 20-х гг., Третьяк, умерший в 30-х гг., и Иван. Г. Исаков имел двух сыновей – Кирилла и Емельяна, а Е. Исаков – одного, Андрея. Сведения о детях Степана и Ивана отсутствуют.

К. Г. Исаков, продолжавший постоянно жить не в столице, а в Костроме, скончался, как следует из надписи на вложенном по его душе серебряном кресте, не позднее 24 июня 1645 г.¹³, не оставив после себя потомков мужского пола.

Его брат, Е. Г. Исаков, продолжал жить, по данным переписной книги 1646 г., в своем дворе в конце Нижней Бережной улицы вместе с сыновьями Василием и Любимом¹⁴.

У К. и Е. Исаковых была, очевидно, и сестра, имя которой, как и имя ее мужа, пока остаются неизвестными: в таможенных книгах Великого Устюга середины 1630-х гг. упоминается их племянник Дмитрий Панкратьев. В переписной книге 1646 г. у Д. Панкратьева записаны сыновья Тимофей и Михаил и брат Василий¹⁵.

К середине XVII в. после гибели в эпидемию чумы 1654 г. Емельяна и Любима Емельяновича Исаковых единственным представителем костром-

ской ветви рода остался Василий Емельянович, вместе с которым жили трое его сыновей – Дмитрий, Герасим и Софрон, и трое племянников, детей умершего брата Любима – Дмитрий Большой, Дмитрий Меньшой и Семен. Еще один его сын, Афанасий, по-видимому, старший из братьев, раньше всех отделившийся от отца, имел на посаде свой двор¹⁶.

В. Е. Исаков, умер, по-видимому, к середине 1670-х гг., и главой семьи стал Афанасий Васильевич, который перешел жить в “родовой” двор на границе Нижней Бережной и Боровой улиц, где по переписи 1678 г. он числился вместе с братьями Дмитрием, двумя Федорами и Семеном, хотя продолжал владеть своим прежним двором в другой части города¹⁷. Из числа их родственников по женской линии в 1678 г. на посаде жили двоюродные братья Михаил Дмитриевич и Петр и Степан Васильевичи Панкратьевы¹⁸.

В ландратских книгах Костромы 1715 и 1716 гг. упомянуты подьячий приказной избы Михаил Исаков и пристав этой же избы Герасим Исаков¹⁹. Однако ни по месту жительства (вторая и третья посадские сотни, в то время как Нижняя Бережная и Боровая улицы входили в первую сотню), ни по прежней принадлежности их дворов (соответственно посадским людям Леонтию Мыльникову и Иуде kwasнику), ни, наконец, по социальному статусу признаки родства между изучаемым родом Исаковых и этими служителями местной администрации не прослеживаются. Вероятно, здесь имеет место совпадение фамилий-прозвищ, образованных от имени отца или деда.

Исчезновение Исаковых в первой четверти XVIII в. из числа костромских жителей можно объяснить двояко. Не исключено, хотя и не слишком вероятно, если учесть, что в Костроме во второй половине XVII в. не было сильных эпидемий или стихийных бедствий, а в семье Исаковых в конце 1670-х гг. насчитывались пять взрослых мужчин, физическое пресечение этого рода. Скорее, отсутствие Исаковых среди костромичей следует связывать с выводами 1700-х – первой половины 1710-х гг. “на вечное житье” в Санкт-Петербург специалистов и торговых людей из различных городов, в том числе, и из Костромы.

Таким образом, документы XVII в. дают возможность проследить историю пяти поколений рода Исаковых, живших на протяжении более чем ста лет в этом приволжском городе.

Основными занятиями Исаковых было кожевенное дело и крупная отъезжая торговля. В писцовой книге 1620-х гг. про Е. Г. Исакова было сказано, что он “торгует, отъезжая большими свальными товарами и кожевенное делает”²⁰. Краткая запись писцового документа не позволяет судить о масштабах производства, но к 1646 г. экономический потенциал этой семьи заметно вырос, и Е. Г. Исаков уже имел в городе один из двух специализированных кожевенных дворов, а другой такой двор принадлежал его племяннику В. Панкратьеву²¹.

Эти кожевенные дворы, где жили наемные работники, продолжали существовать и во второй половине XVII в., когда к ним добавились еще два подобных заведения кожевников Ивана Писникова и Логина Фокина²². По-

этому можно констатировать, что семья Исаковых и их родственников Панкратьевых первыми на костромском посаде перешли к централизованной форме мелкотоварного производства с применением наемного труда, когда весь процесс обработки кож был сконцентрирован в одном месте, что, уменьшая временные и организационные затраты, приводило в конечном счете к увеличению объемов и снижению себестоимости готовой продукции, т. е. способствовало не только устойчивости, но и дальнейшему расширению производства. В целом же, деятельность именно этой семьи обусловила во многом формирование промышленного облика Костромы XVII в. как центра кожевенного производства наряду с Ярославлем и Нижним Новгородом.

Основным направлением торговых поездок К. и Е. Исаковых было сухоно-двинское направление с его конечным пунктом Архангельском. В частности, в 1634–1636 гг. они сами или их приказчики шесть раз плывали на своих судах (карбасах или дощаниках) в Холмогоры или Архангельск²³. К сожалению, устюжские таможенные книги, где отмечены только их проплавные пошлины, не дают возможности судить об объемах торговых операций и ассортименте товаров.

По вологодской таможенной книге 1634/35 г. 23 октября 1634 г. К. и Е. Исаковы проехали через этот город, возвращаясь, очевидно, из Архангельска, импортные ткани, краску, олово и бобров, причем размер уплаченных ими пошлин (соответственно, 20 алт. т 13 алт. 4 д.) намного превосходил в масштабах Вологды проезжие пошлины других торговых людей (для сравнения: гость Надея Светешников заплатил 6 алт. 4 д.), что косвенным образом свидетельствует о действительно крупных масштабах торговли товарами западноевропейского производства этих двух костромичей, сравнимой, по данным этой таможенной книги только с объемами закупок гостя Василия Юдина и отдельных западноевропейских купцов.

Братья К. и Е. Исаковы, а затем и сын последнего, Василий, безусловно, бывали и в столице, не случайно в таможенных книгах отмечены случаи их совместной торговли с московскими купцами. Отсутствие московских таможенных книг не позволяет охарактеризовать ни ассортимент их товаров, ни объемы сделок, но некоторые другие документы, в частности, приходо-расходные книги Приказа книгопечатного дела свидетельствуют об их более или менее регулярных поездках в Москву ранней весной (март – начало апреля), летом (июнь) и в начале зимы (декабрь)²⁴, вероятно, с товарами западноевропейского производства и кожами, выделанными на их кожевенном дворе.

Таким образом, посредством торговой деятельности семьи Исаковых осуществлялись реальные экономические связи Костромы с целым рядом регионов Русского государства, в том числе, и с такими весьма удаленными от этого верхневолжского города центрами, как Архангельск, или со столицей, Москвой.

Не стоит упускать из виду и тот факт, что многие представители этого рода, входили в гостиную сотню, причем из всех костромичей, когда-либо числившихся в этой корпорации, Исаковы попали туда первыми. Трудно сказать, был ли в ней тот самый Исаак, имя которого в дальнейшем станет для потомков фамилией, но уже все четыре его сына в первой трети XVII в. станут торговыми людьми гостинной сотни: Григорий (Богдан) с датами упоминаний 1600–1622 гг., Степан – 1613–1622 гг., Третьяк – 1601/02–1632 г.²⁵ Что же касается четвертого брата, Ивана, то до настоящего момента в литературе не имелось сведений о его пребывании в этой сотне, но привлечение записи в приходо-расходной книге Печатного двора 1649 г., где упоминается как покупатель костромитин гостинной сотни Иван Исаков²⁶, позволяет приписать и его к этому разряду государевых служилых людей.

Вслед за отцами в гостиную сотню попали их сыновья: Кирилл Григорьевич – 1627 – до лета 1645 гг., даты своей смерти, Емельян Григорьевич – 1646–1654 гг.²⁷ В 1647 г. в эту же корпорацию войдет представитель уже третьего поколения Исаковых Василий Емельянович²⁸.

Все Исаковы как люди гостинной сотни, хотя никто из них так и не получил чина гостя, привлекались к выполнению целого ряда государственных служб (таможенные головы на крупных таможах, головы на денежных дворах, покупка товаров для государевой казны, оценка мехов в Сибирском приказе и т.д.) уже в масштабе всей страны, а не одного города, что не только ставило этих лиц на более высокую по сравнению с посадским населением ступень социальной лестницы, но и позволяло значительно раздвинуть рамки их деловых, дружеских и семейных связей и контактов (напомним о родстве Г. Исакова с торговыми людьми Болотниковыми и Ф. Андроновым), расширяло объем их профессиональных знаний и навыков и тем самым способствовало более широкому и многостороннему развитию личности, что не могло не наложить отпечаток на их образ жизни в родном городе.

Роль семьи Исаковых на жизнь города не ограничивалась экономической областью. В частности, они оказали определенное влияние на формирование культурного облика Костромы.

Записям в приходо-расходных книгах Приказа книгопечатного дела дают возможность обратить внимание на интерес Исаковых к русской книжности XVII в. Первую покупку в лавке при московской типографии – Триодь цветная – сделал Кирилл Исаков 12 марта 1641 г. В дальнейшем, в первой половине 40-х гг. он купил также два церковных Устава (“Око церковное”), где определялся порядок проведения богослужений, и два Пролога второй половины, с текстами на все праздники христианской церкви, житиями святых и т. д. Василий Исаков в 1646–1649 гг. приобрел Служебник, Требник, полный годовой комплект служебных Миней и сочинение игумена киевского Михайловского монастыря Нафанаила “Книга о вере”. Один раз, 18 июня 1649 г., в приходо-расходной книге в разделе о продаже Соборного Уложения был записан последний представитель старшего поко-

ления Исаковых Иван²⁹. Всего же в 1640-х гг. все указанные лица купили 10 книг московских печатных изданий на сумму 28 руб. 90 коп.

Столь небольшое количество купленных на протяжении целого десятилетия книг на первый взгляд характеризует Исаковых как людей, далеких от книжной культуры своего времени. Однако это не так. Помимо того, что все они, постоянно бывая как торговые люди в других городах, имели возможность приобретать рукописные и печатные, в том числе и не московского издания, книги, иными способами – на местных торгах или у частных лиц, обращает на себя внимание подбор заинтересовавших Исаковых московских изданий. Кроме достаточно обычной литературы литургического и учительного-назидательного характера они стали обладателями таких не слишком традиционных для рядовой массы потребителей изданий, как основной юридический кодекс государства – Соборное Уложение и, особенно, одно из самых известных и ярких полемических сочинений этого времени, включающего антикатолические и антиуниатские тексты украинско-белорусских авторов, – “Книгу о вере”. Поэтому можно с достаточной уверенностью полагать, что при выборе книг Исаковы руководствовались своими личными интересами и потребностями, возможно, обусловленными исполнением ими, как людьми гостинной сотни, государственных обязанностей или деловыми связями с польско-литовским купечеством (не исключены и торговые поездки в украинские или литовские города).

Записи в приходно-расходных книгах свидетельствуют и еще о двух, очень важных для характеристики культурного уровня Исаковых обстоятельствах: существовании семейной традиции приобретения книг, когда покупателями выступали не менее трех поколений представителей этой семьи, и о высоком уровне грамотности если не всех, то большинства представителей семьи Исаковых. Более того, есть основания полагать, что Иван Исаков и его внучатый племянник Василий имели личные книжные собрания (возможно, составлявшие одну библиотеку). Доказательством служит приобретение ими Соборного Уложения и “Книги вере”, которые по своему характеру – юридический кодекс и полемическое сочинение – не могли служить вкладками, а покупка их в одном экземпляре не предполагает, как кажется, цели их последующей продажи.

Что же касается Служебника, Требника, комплекта Миней, возможно, Устава и Пролога, то эти книги предназначались, скорее всего, для передачи в церковь, и здесь и мы подходим к еще одной стороне жизни Исаковых в Костроме – их влиянию на формирование структуры дворовладения и городской архитектуры.

К середине 1640-х гг. К. и Е. Исаков значительно расширили территорию своих костромских дворов, что в значительной мере диктовалось потребностями кожевенного производства. Е. Исаков, присоединив к своему двору по закладным и купчим три соседних двора посадских людей, организовал особый, отдельный от жилого, кожевенный двор, а К. Исаков рас-

ширил свои городские владения, купив после проведения писцового описания города 20-х гг. три двора посадских людей живших по соседству³⁰.

После смерти К. Г. Исакова к лету 1645 г. и гибели вдовы в эпидемию 1654 г. его обширный двор перешел к племяннику, В. Е. Исакову. По данным дозорной книги 1664-1665 гг. к середине 60-х гг. этот последний, пользуясь гибелью почти 2/3 третей посадского населения в чуму, присоединил к территории своего жилого, бывшего дядиного, двора еще пять посадских соседних дворов. Кожевненный двор был расширен за счет жилого двора его отца, также умершего в эпидемию, и соседнего посадского двора³¹. В результате, ко второй половине 1660-х гг. на стыке Нижней Бережной и Боровой улиц вместо 12 зарегистрированных в писцовой книге дворов появились своеобразная городская усадьба Исаковых: жилой двор (площадью около 1851 кв. м.), самый большой в Костроме, и кожевенный двор (около 960 кв. м.).

Помимо расширения своих владений, К. Г. Исаков построил на собственных средства рядом с двором каменную церковь Воскресения Христова на Дебре, где и был впоследствии похоронен³². Таких церквей было немало в других крупных торговых городах – Москве, Великом Устюге, Муроме, Ярославле, Нижнем Новгороде и др., однако в Костроме подобных каменных ктиторских культовых сооружений насчитывалось всего два – церковь Воскресения на Дебре и построенная чуть позже на средства кожевника, лучшего человека Иллариона Посникова Троицкая церковь³³.

Большой интерес, по мнению историков русского фрескового искусства XVII в., представляют росписи церкви Воскресения на Дебре, выполненные, как считает А. В. Кильдышева, в 1650–1652 гг., уже после смерти К. Г. Исакова, артелью костромских иконописцев из 4–5 человек под руководством Василия Ильина сына Запковского³⁴. Исследователи отмечают большое своеобразие в выборе сюжетов и в принципах построения композиций в цикле “История мироздания” на южной галерее и “Апокалипсис” на западной галерее. В настоящее время трудно с полной уверенностью говорить, кому принадлежал общий замысел росписей – лицу, заказавшему и оплатившему работу, или самим иконописцам. Историки искусства склоняются к последнему предположению, нам же кажется, что уникальный, не имеющий аналогов, характер росписей всех ктиторских храмов, построенных в XVII в. на средства крупных торговых людей, имеющих подчас выраженный личностный оттенок, связанный с событиями в семьях заказчиков, использование русскими мастерами западноевропейских источников – библии М. Мериана, Н. Пискатора, П. ван дер Борхта, гравюр Дюрера³⁵, попадавшими в Россию через посредство, вероятно, все тех же торговых людей, имевших связи с зарубежными странами, свидетельствуют в пользу главенствующей роли заказчиков. В любом случае, ктитор не мог не знать и не одобрить замыслы иконописца, т.е. благодаря Емельяну и Василию Емельяновичу Исаковым в Костроме в середине XVII в. был создан выдающийся памятник фресковой живописи³⁶.

В целом, изучение рода костромичей Исаковых в связи с историей их родного города в XVII в. показывает, что эта, происходившая из посадской среды, семья оказывала огромное влияние на самые разные стороны городской жизни, начиная от поступательного развития ведущего костромского производства – кожевенного, и заканчивая созданием городского ансамбля, где и до настоящего времени одной из основных доминант остается построенная ими каменная церковь Воскресения Христова на Дебре. Столь разносторонним и реальным влиянием на повседневную городскую жизнь не могли похвастаться ни ежегодно сменяющиеся воеводы, ни представители феодальной аристократии, обладавшие осадными дворами в костромской крепости, потерявшей к середине XVII в. всякое оборонительное значение, ни крупные церковные корпорации со своими слободами (Ипатьевский монастырь и его две слободки находились, к тому же, вне города), бытование которых затрагивало, как правило, какую-то одну сторону городской жизни. Гораздо большее значение имела деятельность не столь заметных на первый взгляд представителей местных торгово-промышленных кругов, определявших экономический, социальный, культурный облик своего города, влиявших на топографию, структуру и даже внешний вид городской территории, одно из первых мест среди которых принадлежало в XVII в. семье торговых людей и кожевников Исаковых.

Г. И. Королев
г. Москва

ПОСАДСКАЯ ВЕРХУШКА Г. БОРОВСКА XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА К вопросу о критериях определения социального слоя

К недостаточно изучаемым аспектам истории относится социальная структура посадского населения. В трудах советских историков по истории посада обычно использовались различные классифицирующие термины: “торговые люди”, “молодые люди”, “верхушка”, “низы” и др.¹ Между тем опыты разграничения между посадскими людьми предпринимались историками еще в XIX в. А. С. Лаппо-Данилевский делил посадских по формам налогообложения на “собственно посадских людей”, тянувших тягло, и “посадских бобылей” (“беднейшее налогооблагаемое население”), плативших оброк, а также на группы по имущественному положению². В книге А. А. Кизветтера в главе “Состав посадских общин” рассмотрены важнейшие признаки деления посадских людей на статьи и гильдии и высказано мнение, что разделение проводилось соответственно условиям, существовавшим в каждом отдельном посаде³.